

Читайте в серии
Альтернативная Российская империя:
МОСКОВСКИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ

Визионер
Посредник

Посредник

ЖЕНЯ ГРАВИС

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Иллюстрация на развороте – *Kateshi Kittano*

Карта на форзаце – *Александры Чу*

Иллюстрация на нахзаце – *Жени Гравис*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Гравис, Женя.

Г75 Посредник / Женя Гравис. – Москва : Эксмо, 2025. – 544 с.

ISBN 978-5-04-225471-0

Москва, 1921 год. После тяжелого дела серийного убийцы по прозвищу «Визионер» Дмитрий Самарин надеется на небольшой отдых, но судьба распорядится иначе. Однажды ночью в старом особнячке на Большой Никитской происходит жестокое убийство. Жертве никто не желал зла, но и на случайное ограбление это не похоже: кто-то как будто мстил ей. Мите предстоит раскрыть новое преступление, а также разобраться с собственными страхами. Ведь за расследованием пристально следит та, перед кем он в неоплатном долгу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гравис Ж., 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225471-0

ЧАСТЬ 1

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ МИТЯ ВСТРЕЧАЕТ
ДВУХ СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

— А-а-а!

Крик нарастал, набирал силу и обрывался с жалобным всхлипом в конце. Снова и снова. Тяжелая дверь не могла его полностью приглушить, и Дмитрий Самарин дергался, то прислоняясь к створке, то утыкаясь лбом в стену рядом. Узор из трещин на штукатурке за несколько часов был изучен им досконально.

Невыносимо.

Длительное ожидание мучительно само по себе. А когда ты рядом с непостижимым и малопонятным, но при этом совершенно бесполезен — нестерпимо вдвойне.

— А-а-а!

Крик раздался опять, и вслед за ним послышался уставший, срывающийся плач:

— Мамочка, я больше не могу!

— Можешь, милая, можешь. Все хорошо. Попей воды. Осталось совсем немного.

— Пожалуй, стоит дать немного хлороформа. Марфа Семеновна, приготовьте.

— А-а-а!

Митя стукнул кулаком по стене, словно пытаясь разделить боль, которая буквально сочилась из-за двери.

Ужасно захотелось курить. Курить? Что за странное желание? Никогда ведь не увлекался. Но почему-то сейчас вспомнился один из подчиненных, Семен Горбунов, попыхивающий трубкой. В трудные моменты он всегда доставал табак, и кажется, это несложное действие помогало ему разобраться с насущными проблемами.

Митя сглотнул, отогнав глупую мысль. Дверь приоткрылась, и в проем боком протиснулась насуспенная горничная, держа в руках таз. Вода в нем была красная, в ней плавали какие-то тряпки. Служанка поймала встревоженный Митин взгляд и отрицательно покачала головой. Потом закрыла створку ногой, перехватила таз поудобнее и ушла вниз.

Дмитрий снова уткнулся лбом в стену.

Невыносимо.

— Пои́дем-ка.

Хозяин дома Николай Сергеевич Загорский подошел неслышно, потянул за рукав, и Митя подчинился. Позволил довести себя до кабинета и усадить в кресло, в котором и очнулся со стаканом в руке. Загорский-старший налил себе тоже и удобно устроился за столом. В комнате было сумрачно и тихо, никаких криков сюда не доносилось. Лишь тикали бронзовые часы в виде орла на каминной полке.

Митя механически отхлебнул. Медовое и тягучее согрело горло и мягко скатилось вниз, разливаясь внутри приятным теплом.

— Хорош, а? — Николай Сергеевич покрутил бокал, рассматривая маслянистые подтеки на стенках. —

Clos du Griffier¹, тысяча восемьсот двадцать четвертого года. Почти столетний. Берег для особого случая.

Митя стиснул стакан в руке.

— Все будет в порядке, слышишь? — продолжал Загорский. — Не изводи себя, ты сейчас ничем не можешь. Тут только ждать. Хотя, что я... Сам так же под дверью стоял и маялся, когда Анечка... Восемь часов, м-да. Ты пей. В следующий раз будет легче.

«Пережить бы этот», — малодушно подумал Митя и тут же себя одернул. Нашел время страдать. Это не ты сейчас кричишь за дверью.

Нет, дело не в этом.

Николай Сергеевич смотрел спокойно и участливо, и Дмитрий решился. Не то чтобы они с тестем сильно сблизились за последнее время, но и конфликтов между ними не возникало. Впрочем, сложно найти повод для разногласий двум занятым людям, которые вечно пребывают на службе. Митя — в качестве начальника Убойного отдела Сысской полиции Москвы, а Загорский — биржевого чиновника и профессора политической экономии.

Настоящий момент, кажется, выглядел подходящим для откровенной беседы.

— Я... — Митя для храбрости отхлебнул слишком много и прокашлялся. — Я ведь не рассказывал вам, как потерял мать.

— Нет.

— Она умерла при родах, когда я появился на свет. И я... — Самарин замолчал, не в силах выразить вслух мучившие его опасения.

---

¹ Clos du Griffier — коньяк, произведенный одноименной винокурней из региона Гранд Шампань во Франции. Считается крайне редким и ценным.

— Понимаю. И сочувствую. Но сегодня такого не повторится, даже не думай. Там врач, акушерка. Не сравнивай. Времена совсем другие.

— Умом-то я понимаю, но...

— Сердце болит. У меня тоже. Здравый смысл у нас, отцов, в такие моменты отключается. Эх, надо было, наверное, в больницу ехать. По крайней мере, там все эти... женские дела далеко от посторонних глаз и ушей происходят. В следующий раз так и сделаем.

Николай Сергеевич перегнулся через стол и плеснул в Митин стакан еще жидкости.

— По капельке. А то к рождению наследника ничего не останется. Ты мне лучше скажи, как там душегуб Визионер? Казнили?

Говорить о работе было привычнее и легче. Или так столетний коньяк подействовал? Беспокойство и тревога, мучившие в последние часы, сгладились и стихли.

Про серийного душегуба, которого ему пришлось выслеживать целый год, Митя был готов рассказывать без всяких дополнительных стимулов:

— Да, я был на... процедуре. Все прошло по протоколу и без эксцессов.

— Ну, слава Диосу. Он это заслужил. Я смотрю, в Европе с каждым годом растет число противников смертной казни. Да и у нас они тоже появляются. Думаю, когда-нибудь мы, как прогрессивные люди, откажемся от такой крайней меры. Но не сегодня, не сегодня...

— Согласен. Хорошо, что хотя бы публично казнить перестали. Не самое приятное зрелище.

— Он не раскаивался перед смертью?

— Нисколько. Мне показалось, он даже был рад такому исходу.

— Да, человеческая природа все-таки непознаваема. Но ты-то хоть облегчение почувствовал?

— Откровенно говоря, нет. Вообще ничего не ощутил. Видимо, перегорело уже.

— Что ж, это, пожалуй, к лучшему — как можно быстрее забывать плохое. Будем ждать хороших новостей.

— Будем.

Они сидели в тишине еще какое-то время, неторопливо прихлебывая коньяк и не тяготясь молчанием. Стук в дверь раздался неожиданно. Все та же служанка, уже без таза, вбежала в кабинет, присела в неловком книксене, разгладила складки на фартуке и радостно объявила:

— У нас мальчик!

Соня выглядела бледной и уставшей. Митя опустился возле кровати, прижался губами к взмокшему лбу жены и поправил спутанные рыжие волосы.

— Как ты?

— Ужасно, — прошептала Соня и улыбнулась.

Несмотря на измученный вид, улыбка у нее была искренняя и счастливая.

— Ты молодец, отлично справилась. Люблю тебя.

Соня поерзала и бросила взгляд влево, где у окна стояла колыбель.

— Хочешь посмотреть на него?

— Конечно. Уверен, он такой же прелестный, как и ты.

— Я кошмарно выгляжу.

— Ты самая красивая. Отдыхай.

Он поцеловал ее еще раз и подошел к кровати. Акушерка, пухленькая и миловидная, достала оттуда маленький, туго запеленатый сверток.

— Осторожно, голову придерживайте.

Младенец был замотан так, что наружу выглядывало только личико — ярко-розовое и недовольное. Положа руку на сердце, ничего красивого в нем не было. Мало кто сразу при рождении выглядит привлекательно, но Митя бы никогда не рискнул произнести это вслух. Ребенок казался серьезным и сердитым — сурово сжимал крохотные губы и хмурил брови. Совершенно некстати в голове вдруг всплыл образ начальника Сыскной полиции — Карла Ивановича Ламарка. Как он так же хмурит брови и сжимает челюсти. Ну что за бред лезет в голову в такой волнующий момент?

— Очень красивый, — сказал Митя.

— Четыре килограмма двести. Богатырь, — расцвела акушерка.

Ребенок вдруг открыл глаза — мутноватые, сероголубые. Взгляд у него был нечеткий, плавающий, но вполне осмысленный.

Митя улыбнулся и прошептал: «Привет». И увидел, как глаза младенца вдруг заливают черная, непроглядная тьма...

* * *

Черт, приснится же такое!

Самарин вырвался из кошмара, проснувшись в поту, со сбившимся в ноги одеялом. Простыня и подушка были влажными и липкими, и Митя перекатился в сторону, пытаясь отдышаться и прийти в себя.

А сон казался таким реальным. И бледная Соня, и красный младенец, и томительность ожидания, и даже мягкий вкус Clos du Griffier... Самарин бросил взгляд в сторону окна, за которым оранжево светил уличный фонарь. Судя по светлеющему небу, ближе к четверем утра. Попробовать уснуть снова?

Сыщик пощупал рукой влажную от пота простыню и поморщился. Нет, поспать сегодня уже не удастся. Пора с этим что-то делать. Кошмары вторую ночь подряд — это непроста. Видимо, кому-то очень хочется поговорить.

И тут нашла.

Самарин переехал в новую служебную квартиру сразу после Нового года. Дом на углу двух переулков — Малого Козихинского и Трехпрудного — понравился ему сразу своей угловатостью и необычным «скворечником» — круглой башенкой на самом верху. Квартира эта, к сожалению, не сдавалась, и что находится внутри башни, Мите до сих пор узнать не удалось. Зато было свободно жилье под ней, на четвертом этаже. И, выглянув из окон на улицу, Дмитрий сразу понял, что ему все нравится. Вид на тихий переулок и крыши соседних домов, что были гораздо ниже, и главное — никаких деревьев перед окнами. А возле входа по ночам всегда горит фонарь.

За прошлый год в Митиной жизни произошло столько событий разного толка, что захотелось начать жизнь заново. Внезапное назначение главой вновь созданного Убойного отдела. Своя команда из трех человек, которые сперва казались странноватыми и чужими, но теперь стали надежными друзьями и коллегами. Случилось первое и невероятно сложное дело серийного душегуба Визионера, которое Митя

с большим трудом, но распутал, хоть и не получил за это ни славы, ни признания.

Зато эта история удивительным образом свела его с барышней Соней Загорской, которая стала напарницей в расследовании и чуть не оказалась последней намеченной жертвой душегуба и которую Митя в последний момент спас от ужасной смерти.

Спас и немедленно объяснился в чувствах, которые у него возникли и окрепли за время знакомства. И, к некоторому своему изумлению и безмерной радости, услышал ответное признание. Все это случилось в прошлом году.

А новый тысяча девятьсот двадцать первый год Самарин начал с переезда. Казалось, это должно было стать первым серьезным шагом... К чему? Видимо, в том числе и к тому, что приснилось сегодня ночью. Разумеется, приняв Митины ухаживания, Соня продолжала жить в особнячке Загорских, где сыщик стал частым гостем. И свадьба, конечно, когда-нибудь должна была случиться, и разные младенцы, но пока Митя совершенно об этом не думал.

Так отчего возникают такие нелепые сны, в которых путаются реальность и фантазии? Дмитрий вспомнил вымышленный разговор с будущим тестем. Еще одна странность. Сыщик ведь не был на казни. Лишь осмотрел тело после, убедился, что Визионер безусловно и окончательно мертв, и подписал заключение. Это было неделю назад, в конце марта.

Вчерашний сон, подробности которого уже позабылись, был таким же темным и непонятным.

Определенно, кое-кто очень хочет поговорить. Та, кто не появлялась и не напоминала о себе почти полгода.

Митя глубоко вздохнул, дошел до кухни, глотнул воды прямо из чайника и открыл дверь в кладовку. Пожалуй, подойдет. Уж лучше беседовать среди банок с вареньем и огурцами, чем на холодном кафельном полу в туалетной комнате. Как-то уютнее, что ли. Ну что за глупости снова лезут в голову? Это же не встреча со старым другом, при чем тут уют?

Самарин уселся на ящик с картошкой, плотно закрыл дверь, погрузившись в темноту, и позвал:

— Я здесь. Чего ты хочешь?

Несколько минут казалось, что никто не ответит и ничего не произойдет. Но потом по движению похолодевшего воздуха Митя ощутил, как что-то вокруг него сгущается, клубится, обретает форму. Становится непроглядно-черным среди полного мрака. И голос — не человеческий, не женский и не мужской, а иной — ответил с некоторой издевкой:

— Забыл? Ты мне должен.

«Должен ли?» — подумал Митя, вспомнив определенно и безоговорочно мертвые глаза Визионера.

Гостья, явившаяся поговорить, была самым страшным видением сыщика за последние несколько лет — с тех пор, как они «познакомились» на исходе Великой войны. Признаться в этом Самарин боялся даже самому себе, а уж тем более кому-то другому.

Но так уж вышло: в безвыходной ситуации обратиться за помощью не только к заклятому врагу, но и к самому зловещему кошмару в жизни.

Он и обратился. И получил, что хотел. Пожалел? Тогда — ни капли. А сейчас?

Обещал тьме, что она и Визионер встретятся? Вот и встретились. Так чего еще?

Но вслух, разумеется, спорить не стал.